

Рони Кузнецова (Шейн)

Депортация 14 июня 1941 года.

Воспоминания Рони Шейн печатаются по тексту опубликованному в газете «Форум» № 353 11-17 августа 2011, США.

В этом году¹ 14 июня исполнилось 70 лет со дня депортации десятков тысяч ни в чём не повинных жителей Эстонии за пределы своей страны. Как известно, в 1940г Эстония была оккупирована Советским Союзом. Всех, кто прежде занимал должности, на которые претендовала новая власть, и тех, кто имел какую-либо собственность, необходимую новым хозяевам, объявили врагами народа.

Начался красный террор и массовые репрессии. Наступил 1941 год.... 14 июня, страшный, роковой день:

Мне тогда было 5 лет. Моя семья жила в это время в Валга: папа - Эфраим Шейн, мама - Роза Шейн (Каплан) и я - Рони Шейн.

Память сохранила отдельные фрагменты. Раннее утро.... Мама вся в слезах будит меня. Просыпаюсь.... У входной двери стоит солдат с винтовкой, в комнате чужие люди в военной форме. Ко мне подходит папа: «Одевайся, доченька, мы уезжаем». Говорит очень тихо, ласково, на глазах у него слезы.

Прошу разрешения взять с собой своего любимого рыжего кота. Не разрешают. Я плачу и кричу ему: «До свидания, Вилли!»

¹ 2011

Нас выводят на улицу под конвоем, как опасных преступников, сажают на грузовик и везут на ж.д. станцию. Бедные мои родители видели в тот день свой родной дом в последний раз. На станции стояли вагоны для перевозки скота с решётками на окнах. Меня и маму загнали в один вагон, а папу повели в другой, сказали: «Потом будете вместе».

Это была подлая ложь. Тогда я себе и представить не могла, что больше никогда не увижу своего любимого папу. В вагоне были двухъярусные нары и дыра в полу, предназначенная быть для нас туалетом. На нарах сгрудились женщины с детьми. Среди других мама увидела жену папиного брата Евгению Шейн с дочкой Ирэной (9 лет). Мы пробрались к ним. Вскоре дверь заперли. Все были подавлены.

Мамина сестра, Мария Соркина, спустя долгое время рассказывала мне, что ей удалось сквозь решетку окна передать маме немного денег. Когда она пробиралась назад, один из охранников пригрозил: «Дойдет и до тебя очередь!» (К счастью, до неё очередь не дошла, т. к. они с мужем к этому моменту не успели ещё купить себе квартиру, поэтому для новой власти интереса не представляли).

Минуту, когда поезд тронулся, Мария Соркина запомнила на всю жизнь. По ее словам в воздухе повис какой-то страшный стон, как будто сама земля его издала, потом в вагонах люди запели эстонский гимн.

После этого город словно вымер - ни души на улицах.

Моя мама рассказывала, что когда мы ехали по Эстонии, на всех станциях, где поезд делал остановку, нас встречали местные женщины. Они плакали, пытались передать нам продукты, искали родственников и знакомых. Через два дня, вечером, вагоны с женщинами и детьми отцепили и отвели на запасные пути, а эшелон с мужчинами двинулся дальше в неизвестном направлении.

Увидев на следующей станции, что вагонов с мужчинами нет, все были просто в отчаянии. Женщины пытались узнать у охраны хоть что-нибудь, но всё было напрасно. В этот день кровавый режим разлучил подавляющее большинство семей.

Счастье - увидеть вновь своих мужей и отцов выпало только на долю единиц. Почти все мужчины погибли в сталинских лагерях.

Итак, наш путь в сторону Сибири по чужой стороне продолжался. В вагоне было жарко, как в печке; воздуха не хватало, хотелось пить, а воды взять было негде; дети плакали. Заболевших детей снимали с поезда, а матерей везли дальше, как ни умоляли оставить их с детьми. Грудные дети умирали. Говорили, что в соседнем вагоне у женщины начались роды и она умерла.

Все были измучены до предела. Мама вспоминала, что в Новосибирске нам приказали выйти из вагонов со своими вещами и загнали в какое-то помещение. Тут нас ждала еще одна подлая выходка

преступного режима! Каждый должен был расписаться, что прибыл сюда добровольно на 20 лет. Это был приказ и возражения в учёт не принимались. Ночью нас погрузили на баржу. Эта «посудина» едва вместила всех «добровольцев». Там было тесно, темно, холодно и сыро. Поплыли по реке Обь вниз по течению на Север. Чистой питьевой воды не было, еды тоже. Началась дизентерия и я заболела. Не помню сколько мы плыли на барже, но к месту назначения прибыли в конце июля. Там нас посадили на подводки и привезли в поселок Вавилонка Бокчарского района Томской области. Местный колхоз по иронии судьбы назывался «Новая жизнь». Посмотреть на нас собиралась вся деревня. Действительно, зрелище было необычное! Люди в не привычной для Сибири одежде, в туфлях на высоких каблуках с зонтиками среди непролазной грязи выглядели как инопланетяне.

Нас сразу распределили по дворам местных колхозников, в прошлом крестьян, высланных сюда в 30-е годы с Алтая. У них в свое время тоже отняли всё, вывезли из родных мест и выбросили в глухую тайгу. Мало кто выжил. Помню, дома в деревне были совсем маленькие, многие покосились. Вокруг каждого дома завалинка, чтоб зимой в подполе не замерзала картошка. Все «удобства» на улице, в огороде баня «по-черному» без трубы. Семья хозяев, к которым нас поселили, состояла из пяти человек. Им добавили ещё пятерых. В доме была одна комната с большой «русской» печкой. Было удивительно - как мы там все разместились. Меня сразу отвезли в районную больницу, но там ничем помочь не смогли, и чтоб не портить себе статистику, выписали умирать домой, лекарств не было, мама моя была в отчаянии. Вернула меня к жизни наша хозяйка - пожилая украинка. Вылечила отварами целебных трав и черёмухи. Никогда её не забуду. Надо сказать, что местное население сочувствовало нам, они сами в полной мере «хлебнули» горя.

Итак, началась «новая жизнь» в одноименном колхозе.... Нас всех сразу поставили на учёт в комендатуре. Каждый месяц должны были давать коменданту подпись, что находимся на месте. Передвигаться мы имели право только в пределах своей деревни. Паспортов у нас не было.

Нас там не интегрировали, как сейчас принято говорить (когда русских в Эстонии за государственный счёт учат эстонскому языку), а дифферен-

цировали: власть имущие назывались - «товарищи», местные колхозники - «кулацкие морды», а мы - «новый контингент». Большинство приехавших русским языком не владело, местные и «товарищи» общались на русском-матерном. Была пора уборки урожая и весь «новый контингент» отправили на полевые работы. Работали от зари до захода солнца без выходных; кормили баландой, где плавали капустные листья и несколько зёрен; хлеба давали по 300 г в сутки и он был пополам с мякиной. Ночевали там же, где и работали, в каком-то убогом сарае на нарах. Это помещение называлось культстаном (видимо, это слово подразумевало культурный стан). Я жила на культстане вместе с мамой и хорошо его

запомнила.

За работу ничего не платили, ставили палочки, так называемые трудодни. Потом оказалось, что люди не только ничего не заработали, а еще и остались должны. Моя мама, Роза Шейн, зубной врач по специальности, и Евгения Шейн, закончившая консерваторию, как и большинство других, подходящей обуви и одежды для такой работы не имели. К осени туфли пришли в негодность и им пришлось ходить босиком по холодной грязи и колючей стерне. Ноги нарывали, болели — самочувствие, мягко говоря, оставляло желать лучшего. Я вся покрылась фурункулами. Это было мучительно, до сих пор следы остались.

Надвигалась суровая сибирская зима. Местных мужчин к тому времени почти всех забрали на фронт, остались старики, калеки и начальники. Вся мужская работа легла на плечи женщин. Всем было тяжело, но новому «контингенту» особенно. Чтоб не умереть с голоду меняли привезённые из дому вещи на картошку. Маме еще удалось за какую-то вещь получить старые, подшитые валенки - это было просто спасение. Морозы доходили до - 50°, избы заваливало снегом; сугробы были выше плетней, тропинки переметало.

Женщин, у которых не было маленьких детей, отправили на лесоповал, остальных использовали в пределах деревни.

Мама работала на кирпичном заводе. Это была каторжная работа! Абсолютно всё делалось вручную, начиная от подачи глины и заполнения форм. Тётя работала на копке колодца. Она и ещё две женщины в упряжке, вместо лошади, шли по кругу, вращая ворот, поднимающий бадью с грунтом.

Молодую девушку по имени Аино, которая жила с матерью вместе с нами в одной комнате, послали на лесоповал. Она была близорукая и носила очки. На морозе очки запотевали и она ничего не видела. Бригадир отослал ее обратно в деревню, чтобы не попала под падающее дерево, но комендант приказал ей вернуться в лес. Она отказалась и её за это посадили в тюрьму.

Я всю зиму просидела в избе, т. к. на улицу выйти было не в чем. К весне почти все вещи были проданы. Когда сошёл снег, ходили на поля искать замёрзшую картошку и капустные листья. Это была единственная еда. Люди пухли от голода, один за другим умирали дети и старики. Вши буквально заедали и не было от них спасения.

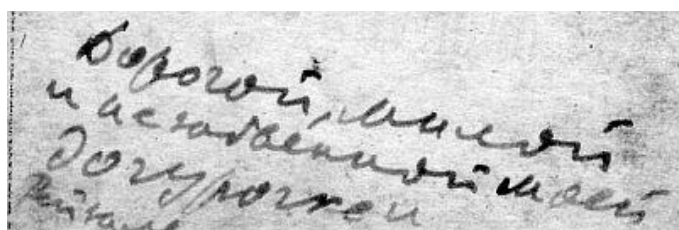
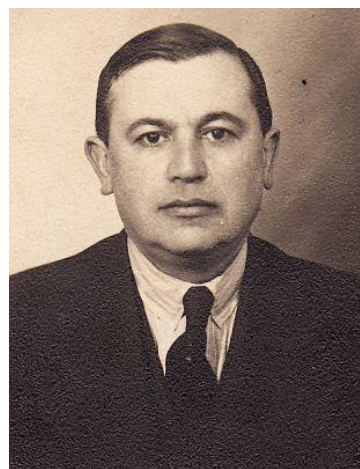
Свирепствовал тиф и туберкулёз. Весной и летом мучил гнус: комары

и мошка. Их там было несметное количество. Перед тем как лечь спать, в избе разводили дымокур, чтобы хоть сколько-то их выкурить, но это мало помогало.

Время шло... Иногда казалось, что всё это - просто затянувшийся кошмарный сон. Что с папой, где он, мы не знали. Примерно через два года вдруг пришло от него письмо. Этот маленький, склеенный из оберточной бумаги конвертик со штампом «проверено цензурой» сохранился у меня до сих пор. Мы были просто счастливы! Теперь мы знали, что он жив и находится в лагере на Северном Урале в п. Сосьва. Естественно, о своей жизни писать он не имел права. Только много лет спустя я узнала всю правду. Уму непостижимо, что пришлось испытать мужчинам в сталинских лагерях на Северном Урале! Оттуда вернулись буквально единицы. Воспоминания одного из них были опубликованы в 1995 году в Эстонии.

Вскоре мы получили от папы ещё одно письмо с вложенной туда его маленькой фотографией, сделанной еще до оккупации. На обратной стороне фотографии надпись: «Дорогой, милой и незабвенной моей дочурочке и Рейзале». Он знал, что у нас нет с собой фотографий и точно знал в этот момент, что мы больше с ним никогда не увидимся, т.к. его перевели в лагерь строгого режима (об этом мы узнали позже). Вскоре после этого письма пришло извещение о его смерти.

Как погиб мой папа и где его зарыли, я уже никогда не узнаю. Знаю только, что это случилось в роковой день 14 июня, ровно через два года после высылки. Лагерь на Северном Урале было великое множество. Как я потом

узнала из воспоминаний очевидца, за каждым лагерем трупы клали в ямы по 50 человек, совершенно обнажённые, засыпали землёй и ровняли поверхность так, чтоб спрятать следы своих преступлений и чтоб их близкие, дети и внуки никогда не

смогли поклониться праху дорогих им людей.

Известие о смерти папы окончательно добило мою маму, которая и так-то еле держалась на ногах. Вероятно, она недолго бы ещё протянула в этих условиях, но тут судьба сжалилась над нами: районный центр Бакчар по какой-то причине остался без зубного врача. За неимением другого выхода вызвали туда мою маму. Заведующая поликлиникой, немолодая женщина без образования, но с партийным билетом, посмотрев на мамин диплом об окончании Тартуского Университета, сказала: «Будете получать зарплату медсестры, т. к. мы (т. е. она) приравниваем этот буржуазный университет к советскому техникуму». От такой беспрецедентной наглости мама прямо-таки потеряла дар речи, но возражать всё равно было бы бесполезно.

Тем не менее, маме очень повезло. Теперь она работала в тёплом помещении, по своей специальности, ходила в белом халате, и какие там под ним «ремки» не были видны. Нам дали место и даже кровать в комнате, где жила уже акушерка со своей дочкой. Зарплата была мизерная, но нам дали кусочек земли за деревней, где мы могли посадить картошку. Тем

временем Евгения оставалась в Вавиловке, возила на быке фляги с молоком. Бык зачастую выпрягался по дороге и убежал. Присущее ей от природы чувство юмора и тут не покидало её. Подходя в очередной раз к быку, она подбадривала себя словами: «Тореадор, смелее!» Как-то мама узнала, что в районном детском саду появилось пианино, а играть на нём никто не умеет. Она пошла к заведующей и порекомендовала ей Евгению. «Товарищи» долго обсуждали можно ли чуждому советской власти элементу доверить заниматься с детьми музыкой, но всё-таки решили в её пользу. Мама с радостью об этом ей сообщила, но тут возникла новая проблема - нечего на себя надеть. Не пойдёшь же на такую работу в юбке, сшитой из мешка из-под картошки, и веревочных лаптях. Не помню, как это удалось уладить, но к работе она всё же через некоторое время приступила. Платили ей как уборщице, да ещё и повар, добрая женщина, наливала тарелку супа, если дети его недоедали. Одним словом — ей очень повезло.

Потом возникло печально известное «дело врачей».² Местные власти проявили бдительность и маму тут же сняли с работы. Всё-таки обратно в колхоз ее не отправили, а оставили работать в регистратуре, чтоб была «под рукой», если вдруг зубы заболят у «товарищей». Как-то я сказала маме: «На твоём месте я бы вырвала здоровые зубы у этих негодяев!» Она грустно посмотрела на меня и ответила: «Хорошо, что ты не на моём месте, а то бы тебя сразу застрелили».

² **Дело врачей (Дело врачей-отравителей**, в материалах следствия **Дело о сионистском заговоре в МГБ**) — уголовное дело против группы видных советских врачей, обвиняемых в заговоре и убийстве ряда советских лидеров. После ареста группы врачей в январе 1953 г. кампания приняла общесоюзный характер, но закончилась после смерти Сталина в начале марта того же года. 3 апреля все арестованные по «делу врачей» были освобождены, восстановлены на работе и полностью реабилитированы. (Википедия)

Жизнь в стране, «где так вольно дышит человек», продолжалась, но чувство беспомощности и страха перед произволом власть имущих не покидало. «Товарищам» из органов безопасности надо было постоянно демонстрировать, что они не зря едят хлеб здесь, в тылу, в то время, как их соотечественники проливают кровь на фронте. Людей сажали по самому незначительному поводу. Одного старика в нашей деревне посадили только за то, что он где-то сказал про свою старуху: «Брешет, как Советское радио». Постоянно «разоблачали шпионов», но мы никак не могли взять в толк, что именно могло заинтересовать вражескую разведку в Бакчаре, посреди Сибирской тайги. Помню одно время летом хлеба в магазин привозили мало и, чтоб не остаться без хлеба, надо было с вечера занимать очередь и стоять там всю ночь. Поскольку матери должны были перед работой выспаться, - в очередь ставили подростков. Недалеко от магазина находилось местное отделение НКВД. Каждую ночь мы были невольными свидетелями, как кого-то ведут туда под конвоем. Порой оттуда доносились крики. Всё это было ужасно!

Немного о школе... На весь Бакчарский район существовала только одна средняя школа, расположенная в районном центре. Все мы, ученики этой школы, за редким исключением, были дети одной судьбы и разных национальностей (эстонцы, латыши, литовцы, русские, евреи, украинцы, немцы, татары, молдаване, а в пятидесятом добавились еще и высланные с Кавказа, в основном ассирийцы). Между собой мы жили очень дружно и

национальность тут не имела никакого значения. Добрая память о школьных друзьях осталась на всю жизнь. То же самое могу сказать относительно нескольких любимых учителей (за все 10 лет у меня таких было три). Про учителей любимых и не очень и о нашем к ним отношении можно рассказать много, но здесь речь не об этом.

Коротко вспомню только уникальных - явление, свойственное, по моему мнению, исключительно для мест «не столь отдалённых» (так в народе называли места ссылки). Одним из них был Иринарх Фёдорович Волков - человек малограмотный, косноязычный, неопрятно одетый с шестимесячной завивкой на голове; почти всегда, мягко говоря, «навеселе». Наличие партбилета давало ему возможность занимать должность директора школы и благодаря этому числиться преподавателем физики и астрономии при полном отсутствии знаний по этим предметам. Естественно, на уроке он объяснить ничего не мог, да и не пытался; обычно объявлял контрольную или вызывал кого-нибудь к доске. Сам зачастую садился за стол, клал голову на руки и засыпал. В это время вызванный к доске, переписывал из учебника на доску формулы, развлекал класс, как умел.

Проснувшись, Иринарх Федорович, даже не взглянув на доску, произносил: «Четёрка», (что означало - четвёрка). Если мы говорили, что нам что-то не понятно, он называл нас «пустоголовые тумбочки» и добавлял: «Вам только чай (т. е. чай) с огурцами пить!» Задачи по физике мы вообще не решали. В пятом классе у нас был хороший учитель ботаники. Вдруг его заставили вести ещё и немецкий язык. Он его абсолютно не знал, отказался, но у «товарищей» был «железный» довод: участник войны - значит должен знать! Помню, он выучил фразу “Was ist das” (что это?) и, показывая на какой-нибудь предмет, задавал этот вопрос всем. Ответ мог быть какой угодно...

При этом люди образованные, знающие несколько иностранных языков, из «нового контингента» работали в колхозе или на лесоповале. Преподавать «враги народа» не имели права.

Начиная с первого класса, нас использовали как бесплатную рабочую силу на колхозных полях, а с шестого класса ещё и гоняли зимой по выходным в тайгу на заготовку дров.

Помню как нас, первоклассников, послали дёргать лён. От деревни до поля было примерно 4-5 км. Голодные, кое-как обутые маленькие дети — мы еле доплелись до места и свалились на лён, работать уже не было сил. Бригадир льноводческой бригады, сама из «кулацких морд», обращаясь к учительнице, возмущённо сказала: «Зачем вы мучаете маленьких детей? Что от них толку! Только лён помяли...(дальше шла непереводаемая игра слов)». В тайге поначалу работать было не только тяжело, но и страшно, - вполне можно угодить под падающее дерево. Помню, в старших классах давали норму «на пилу» 2 куб. м «швырком». Это означало, что 2 человека, имея двуручную пилу и топор, должны были свалить деревья, распилить на чурки, порубить их и сложить в поленницу, которую потом учитель замерял. При этом в школе всегда было холодно, на уроках сидели в верхней одежде - фуфайках (ватники, как у заключённых). На большой перемене, когда нам хотелось подольше погреться у тёплой печки, нас гнали в так называемый зал и заставляли петь хором. Репертуар был сугубо патриотический. Названий этих «шедевров» я точно не помню, но там звучали фразы: «Мы делу Ленина и Сталина верны», «Партия наш рулевой» и т.д. Видимо, это входило в программу перевоспитания «вражеского отродья».

Когда я училась в старших классах, то уже на основании горького опыта предыдущих выпусков, знала, что после окончания школы буду лишена возможности продолжить своё образование. Это была особая «привилегия» «нового контингента». Прямо об этом не говорили, - всё делалось подло со всем лицемерием, присущим правящему режиму. Каждый год всё шло по одному и тому же сценарию. Выпускников школы из «нового контингента» сажали на грузовик и под конвоем везли в областной центр — Томск, который находился на расстоянии примерно 250 км от Бакчара. Надо сказать, что на преодоление этого расстояния иногда уходило больше суток - такая была дорога, да и грузовик постоянно ломался. В Томске всех ставили на учёт комендатуры (паспортов не было, только какие-то справки) и затем можно было идти сдавать вступительные экзамены в любое учебное заведение по своему усмотрению. Дальше всем без исключения ставили за сочинение - 2. Когда абитуриент просил показать, какие у него ошибки, отвечали: «Не положено». Это было очень обидно, особенно тем, кто в школе имел только пятерки. После экзаменов в том же составе всех возвращали обратно и затем отправляли на лесоповал. Одноклассники из вольных в

большинстве своём учились дальше, кто где мог, лишь бы не вернуться в деревню. Вот такое было «счастливое» детство, за которое полагалось говорить спасибо товарищу Сталину. В 1953 году наконец-то он умер. «Товарищи» проливали слёзы, не знаю насколько искренне, а мы, естественно, радовались. Действительно, «дышать» стало легче! Уже на следующий год, когда я закончила школу, «новый контингент» в ограниченном количестве

стали принимать в ВУЗы и техникумы на так называемые «не престижные» специальности. Я тоже поступила тогда в Томский инженерно-строительный институт (без паспорта, со справкой, что стою на учете в комендатуре). Еще два года мне приходилось каждую неделю ходить в комендатуру отмечаться. Потом с 1956 по 1958 г.г. постепенно всех реабилитировали - и живых, и мёртвых, за отсутствием состава преступления. Сколько горя выпало на долю невинных людей, большая часть

из которых осталась в чужой земле!

Худшее осталось позади, но в паспорте всё-таки стояло какое-то «клеймо», на основании которого наши права были так или иначе ограничены. Это сказывалось при поступлении на работу, в учебное заведение, в случае прописки и т.д. Например: репрессированные, вернувшиеся в Эстонию, не имели права жить в больших городах. Собственность, конечно, никому не вернули, в их жилищах обитали новые хозяева. Даже имена или отчества в этих паспортах у многих были записаны неправильно. Моего папу звали Эфраим, а в паспорте написали — Ефремовна. Когда я возразила, начальник безапелляционно заявил: «Ты чё, сдурела?! Такого имени нет» «Товарищи» могли всё, они всегда были правы...